

Научный журнал
Московской духовной академии

БИБЛЕЙСКИЕ СХОЛИИ

№1 (1)
2020

Сергиев Посад
2020

О РАЗЛИЧЕНИИ СОСТОЯНИЙ МИРА ДО И ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ БОГОСЛОВОВ И РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX — НАЧАЛА XX В.

Диакон Николай Серебряков

кандидат геолого-минералогических наук
старший преподаватель кафедры библеистики
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б
nikserebr@yandex.ru

Для цитирования: *Серебряков Н. С., диак.* О различении состояний мира до и после грехопадения в трудах отечественных богословов и религиозных мыслителей XIX — начала XX в. // Библейские схилии. 2020. № 1 (1). С. 26–48. DOI: 10.31802/BSCN.2020.1.1.002

Аннотация

УДК 2-172.2 (2-335)

В статье рассматриваются мнения русских богословов и религиозных философов XIX — начала XX в. о характере и масштабах влияния грехопадения первых людей на состояние всего мира. Показано, что для русского богословия указанного периода характерно признание катастрофического влияния грехопадения по отношению ко всему мирозданию. Это влияние объясняется теснейшей связью человека со всем космосом. Однако эта очевидная богословская истина практически не была учтена в естественнонаучно-апологетической литературе этого периода при обсуждении проблемы соотношения

библейского повествования о творении мира и человека с научными данными. Более того, в начале XX в. появляются представления, что грехопадение в объективном плане никак не повлияло на состояние мира, а только изменило человека и его взгляд на мир. Лишь в русской религиозно-философской литературе начала XX в. идея о теснейшей связи человека и космоса нашла свой отклик, и на основании этой идеи была дана критическая оценка способности естественных наук проникнуть в мир до события грехопадения.

Ключевые слова: русское богословие XIX – начала XX в., свт. Филарет (Дроздов), творение мира, грехопадение, библеистика, естественнонаучная апологетика.

С момента зарождения науки Нового времени в XVII в. и до настоящего дня проблема соотношения библейского повествования о творении мира и человека с научными представлениями (далее кратко — проблема соотношения) неизменно вызывает интерес у широкого круга людей. Для человека нецерковного или даже антихристиански настроенного подобное соотношение было и остаётся удобным поводом критиковать христианство. Для самих же христиан это одна из традиционно сложных тем апологетики. Если не рассматривать католичество или протестантизм, а взять лишь одну Православную Церковь, то даже внутри неё до сих пор нет единого мнения касательно данной проблемы. Существуют лишь разные частные точки зрения (например, всем известные так называемые «христианский эволюционизм» и «научный креационизм»), приверженцы которых горячо спорят между собою, и этим спорам не видно конца.

Очевидно, что обсуждение данной проблемы теснейшим образом связано с экзегезой Священного Писания, а именно — с толкованием первых двух глав Книги Бытия. Как вообще понимать библейское описание творения мира и человека, есть ли в Церкви чёткие герменевтические принципы, которые позволили бы правильно истолковать эти богооткровенные слова; что здесь главное, о чём нельзя забыть, а что является лишь второстепенными деталями? Все эти и другие вопросы неизменно встанут перед всяким человеком, желающим разобраться в проблеме соотношения.

Как представляется, ключевым моментом при объяснении Шестоднева и других мест Писания, касающихся миротворения, является рассмотрение этих текстов в контексте всего догматического учения Церкви, а значит, с учётом такого определяющего библейского события, как грехопадение первых людей. Очевидно, что мы живём и занимаемся наукой в мире после грехопадения, тогда как сам мир творился до этого момента. Можно ли быть уверенным, что грех прародителей, который всеми христианами считается катастрофой, кардинально повлиявшей на жизнь всего человечества, не был такой же катастрофой и по отношению к бытию остального мира? А если всё же грехопадение было такой катастрофой, то не осложнит ли это (или даже совсем обесценит) любые попытки сопоставить научные сведения об окружающем нас мире с библейским описанием первозданного мира, в котором не было ещё никакого греха?

На поставленные вопросы предлагались разные ответы. Как ни странно, указанные современные противоборствующие лагеря «христианских эволюционистов» и «научных креационистов» обсуждают проблему

так (особенно первые), будто грехопадение вообще никак не повлияло на судьбы внечеловеческого мира. Однако многие с этим не согласны, считая, что состояния мира до и после грехопадения радикально различаются, и это невозможно не учитывать при обсуждении проблемы соотношения. Кто же здесь прав? Интересно обратиться к истории данного вопроса и рассмотреть, как его решали отечественные богословы во второй половине XIX и в начале XX в., когда русское научное богословие (и в первую очередь библиистика) было на подъёме и к концу XIX в. вышло на один уровень с западным богословием, при этом стараясь отвечать на вызовы времени, в том числе касательно соотношения христианства и науки. Видели ли отечественные богословы того времени разницу в состоянии мира до и после грехопадения и насколько большую? И если видели, то как использовали это в своих апологетических опытах? Исследованию именно этого вопроса и посвящена данная статья.

Нельзя говорить о русском богословии и в том числе о библиистике XIX в., не упомянув свт. Филарета Московского, который был ключевой фигурой в деле становления и развития отечественной богословской школы в указанный период. Все последующие авторы неизменно сверяли свои воззрения с точкой зрения святителя, который гармонично соединил в себе святоотеческий дух, дух церковной традиции с учёностью Нового времени.

Свт. Филарет многократно (хоть и кратко) останавливается на вопросе, повлиял ли грех первых людей на мир. Это святитель делает и в своих знаменитых «Записках на книгу Бытия...» (первое издание — 1816 г.), и в разных проповедях на протяжении практически полувека (последний раз в 1854 г.).

Так, в «Записках...», толкуя библейские слова *проклята земля тебя ради* (Быт. 3, 17), он сначала пишет, что «сие проклятие можно изъяснять о скудости плодов земных», однако потом добавляет, что с учётом слов ап. Павла о совоздыхающей твари, находящейся в порабощении тлению, «настоящее проклятие земли должно простираться более, нежели на одно её плодородие. Только мы не можем определить точно, сколь велико действие сего проклятия, потому что не видали её в состоянии первобытного благословения»¹. В другом месте, указывая в рассказе первой главы Книги Бытия на одобрение Богом каждой части творения,

1 Филарет Московский, свт. Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себе и перевод сия книги на русское наречие. Ч. 1: Сотворение мира и история первого мира. М., 1867. С. 69.

свт. Филарет пишет, что тем самым Моисей «удостоверяет нас о совершенстве каждой твари, в своём роде, и для своей цели, хотя бы мы её и не знали, и тайно нас укоряет нарушением совершенства тварей»². Наконец, комментируя Быт. 1, 12, святитель замечает: «Когда Бог произносит Своё одобрение на всё царство растений, человек не должен восставать против сего, находя некоторые из них вредными и ядовитыми. Если бы падение человека не растлило всей земли, то мы бы видели в них только пользу и благо»³. В этой же работе свт. Филарет поясняет и причину, по которой падение человека растлило всю землю: «Будучи сотворён владыкою твари, он, в своём падении, увлекает за собой и всё своё владычество»⁴. И после этого добавляет: «Но сие повреждение земли, столь естественно следующее за повреждением человека, есть вкупе и наказание для него и милость. Тогда, как отъемлется у покорённой суете твари часть совершенства, заграждается часть путей к её злоупотреблению. И какое наставление для грешника — видеть грех, опустошающий вселенную!»⁵

Много позже, в одной из проповедей 1854 г. свт. Филарет снова возвращается к вопросу, почему из-за человека происходит повреждение всего мира: «поелику Бог, при сотворении человека, даровал ему “обладание” (Быт. 1, 26), обладание тварями видимого мира, действующее не поверхностною внешнею властью, но внутреннею силою образа в нём Божия: то повреждение природы человека должно было отразиться на природе видимого мира; и вследствие сего проникшая в неё смерть и погибель вырывается тлетворными действиями и разрушительными переворотами, доколе наконец, нынешняя “земля... и яже на ней дела сгорят” (2 Пет. 3, 10), и нынешние видимые “небеса... погибнут” (Евр. 1, 10–11)»⁶.

Святитель в другом своём Слове отмечает, что сотворённое не может не изменяться, но эти изменения совершенно разные в мире первозданном и мире падшем, что ярко подчёркивает различие этих «миров»: «Тварь, как тварь, подвержена переменам: но ея перемены, в творении

2 *Филарет Московский, свт.* Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себе и перевод сия книги на русское наречие. Ч. 1. С. 8.

3 Там же. С. 14.

4 Там же. С. 69.

5 Там же.

6 *Филарет Московский, свт.* Беседа по освящении храма Пресвятой Богородицы, Взыскательницы погибших, в Тюремном замке пересыльных арестантов (1854) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 5: 1849–1867. М., 1885. С. 539.

и под управлением всесовершенного Творца, могут быть устроены в порядке, к совершенству, без страдания, без разрушения грубого, нечистаго, мертваго, даже в случае разрешения оных на составныя начала, которое может происходить легко и приятно, как например (поколикую можно найти примеры в нынешнем несовершенном устроении тварей), разрешение чистаго елея в свет, или разрешение ладана в благовонное курение. Откуда же беспорядок, безобразие, нечистота, страдание, разрушение, тление, словом: смерть? — Мне кажется, что и естественное рассуждение не найдёт на сие сказать ничего другаго, как то, что говорит откровенное Богом учение: *грех в мир вниде, и грехом смерть* (Рим. 5, 12)»⁷.

Об естественных изменениях твари без страданий в мире первоизданном свт. Филарет говорил и раньше: «в первобытной невинности человек был бессмертен по телу, равно как и по душе. Покоренныя ему твари подвержены были естественным изменениям, — однако так, что ни владыка их, ни оне сами от того не страдали»⁸. Но «едва грех овладел сим владыкою, как и в его владениях, и в нём самом, по непостижимому действию правосудия Божия, возстал мятеж»⁹.

Этот мятеж твари и его причина очевидны для внимательного, «разумевающего» человека, о чём святитель говорит в Слове о гласе вопиющего в пустыни и на воспоминание происшествий 1812 г. (произнесённом в 1814 г.). Проповедник указывает на разные вопиющие к человеку гласы и одним из таких гласов считает то самое воздыхание твари, о котором говорил ап. Павел: «Сии совокупные гласы и воздыхания твари, — глас от источника первоначальнаго в мире блага и воздыхание из бездны произникшаго зла, глас небеснаго порядка и воздыхание земнаго нестроения, глас жизни и воздыхание смерти, глас всеобщаго сохранения и воздыхание всеобщаго истления, — не суть ли, для разумевающих, некий “глас вопиющего в пустыни”, или вопль самой всемирной пустыни, отвсюду гласящий человеку: “кто кроме тебя мог внести зло в творения Всеблагаго? Не ты ли, будучи поставлен их владыкою, соделался их поработителем? Не ты ли превратил царство благолепия в безобразную пустыню и окрест плодов жизни насадил терние и волчцы? Доколе убо и страждешь сам и с собою оставляешь всю тварь совоздыхать

7 Филарет Московский, свт. Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы (1835) // Там же. Т. 3: 1826–1835. М., 1877. С. 341–342.

8 Филарет Московский, свт. Слово в неделю четвёртую по Пятидесятнице (1811) // Там же. Т. 1: 1803–1821. М., 1873. С. 11.

9 Там же.

и сболезовать?»¹⁰ Таким образом, земное нестроение, всеобщее истление и страдания твари — всё это последствия греха первых людей.

Однако для человека падшего, по словам свт. Филарета, такое тленное состояние твари кажется естественным, так как он совершенно не знает, каким был мир первоначальный: «Человек, потеряв опыт первоначального чистаго бытия своего и вселенной, потерял и понятие об оном. Как рыба, движущаяся в воде, не знает лучшей и более совершенной жизни, какую животныя живут в воздухе: так бедная душа человеческая, погружённая в грубый и тленный стихийный мир, и в нём живущая, как рыба в воде, не знает тонкой и нетленной жизни райской»¹¹.

Но для истинного познания мира необходимо различать состояние твари до и после грехопадения, а также знать о будущем преображении твари, но о чём совсем не знает человек, уверенный, что вселенная только такая, какой сейчас представляется из научных изысканий. По словам святителя, истинное познание, слово жизни — «не то могильное познание земли, которое по глыбам и слоям сходит в глубину ея, как в могилу, и остатками разрушения хочет истолковать жизнь погребённую и оставшуюся, без надежды воскресить погребённую, и сохранить оставшуюся, не то стеклянное познание неба, которое посредством дальнорительных стёкол следит пути звёзд, не пролагая зрителю пути в небо, но познание земли и неба, в начале добрых зело, потом земли проклятой в делах человека, и неба сделавшагося “нечистым” (Иов 15, 15), далее, земли, которая с сущими на ней делами сгорит, и неба, которое прейдёт, наконец “новаго неба и земли новой”»¹².

Итак, свт. Филарет, указывая на тесную связь человека и остальной твари, чётко различает состояние мира до и после грехопадения, называет причину такого различия и даже поясняет, почему многие люди (например, изучающие мир естественнонаучными методами) этого различия не замечают. Для последующих русских богословов практически все приведённые высказывания свт. Филарета практически стали парадигмой в этом вопросе, как это и будет показано далее.

Но прежде чем приступить к рассмотрению трудов русских богословов второй половины XIX и начала XX в., стоит отметить, что за этот

10 *Филарет Московский, свт.* Слово о гласе вопиющего в пустыни и на воспоминание происшествий 1812 года (1814) // Там же. С. 59.

11 *Филарет Московский, свт.* Слово в день празднования Пресвятей Богородице в Страстном монастыре (1834) // Там же. Т. 3. С. 259.

12 *Филарет Московский, свт.* Слово по освящении храма Святыя Мученицы Татианы, при Московском Университете (1837) // Там же. Т. 4: 1836–1848. М., 1882. С. 62.

период было написано достаточно большое количество работ (около 250 статей и монографий), касающихся взаимоотношения христианства и естествознания, в том числе проблемы соотношения. Очевидно, что в данном докладе нет возможности все их рассмотреть. Поэтому будут взяты лишь некоторые яркие примеры.

Первым таким примером является публикация ряда писем под общим названием «О конечных причинах», написанных в 1847–1854 гг. двумя известными профессорами МДА — прот. Феодором Александровичем Голубинским (первое письмо) и его учеником Дмитрием Григорьевичем Левитским (остальные письма). Эти письма, уже в 1855 г. изданные в виде единой книги, были, видимо, весьма популярными, так как издавались на протяжении полувека (до 1916 г.) и претерпели шесть изданий¹³. В 4-ом письме¹⁴ обсуждается происхождение и смысл физического зла в мире. По определению Д. Г. Левитского, «злом физическим называются такие явления и изменения в мире вещественном, которые имеют вредное, болезненное или разрушительное влияние на существа живые и чувствующие»¹⁵. К такому виду зла относятся все опустошительные действия стихий, неурожай, эпидемии и проч., появление которых связывается с грехопадением первых людей.

В целом, Д. Г. Левитский излагает понимание физического зла в мире как раз на основании «Записок на книгу Бытия» свт. Филарета. Сам Бог подчинил тварь суете для наказания и вразумления человека, на что указывают слова «проклята земля в делех твоих» (Быт. 3, 17), но величину этого проклятия мы понять не можем, так как не видели мир в первозданном состоянии, а в Св. Писании пределы проклятия в точности не указаны. По Быт. 3, 17–19 — это, по крайней мере, уменьшение плодородной силы и лишение условий плодородия. Однако этим проклятие не ограничивается, так как известно, что вся тварь стенает и мучится, находясь в рабстве тлению (Рим. 8, 19–22). И более того, это рабство в конце времён приведёт к тому, что мир полностью обветшает и будет распадаться от ветхости, подобной обветшавшей одежде, и ему потребует перемена (Пс. 101, 27; Ис. 51, 6) на новое небо и новую землю (см.: 2 Пет. 3, 13; Откр. 21, 1). Исходя из этого, можно говорить, что тварь из-за греха человека потеряла свои первозданные

13 Здесь использовано 5е издание: *Голубинский Ф. А., прот., Левитский Д. Г.* Премудрость и благодать Божия в судьбах мира и человека (О конечных причинах). 5е изд. СПб., 1906.

14 Первое издание: *Левитский Д. Г.* О конечных причинах. Письмо IV // ПрибТСО. 1852. Кн. 2. № 11. С. 170–206. В используемом издании книги 1906 г. данное письмо имеет номер 3.

15 *Голубинский Ф. А., прот., Левитский Д. Г.* Премудрость и благодать Божия. С. 172.

красоту и совершенства, и в ней теперь действуют с губительной силой различные стихии (землетрясения и проч.)¹⁶. «Земля назначена в светлое и царственное жилище человеку. Человек пал и заболел грехом. Та же земля сделалась его больницей. В больнице не у места блеск и великолепия царственного жилища»¹⁷.

Особенностью рассуждений Д. Г. Левитского являются его слова о том, что и в первозданном мире животные, как существа безличные и не имеющие в себе основания бессмертия, были смертны и разрушимы¹⁸. Однако всё же это было не так, как после греха. Тогда не было того страшного и зловонного тления и разложения, как это есть сейчас, и «на земле, не поражённой проклятием, твари, теряя отдельное бытие, возвращались бы в общую жизнь природы, или из одних форм бытия переходили бы в другие, путём совершенно безболезненным, <...> сообразным с первобытною красотой и гармонией природы»¹⁹. Примером такого перехода автору видится переход ладана в благоухание, что снова, видимо, является отсылкой к словам свт. Филарета²⁰. С другой стороны, автор считает, что «и в проклятой земле состояние животных не так печально и болезненно, как нам иногда кажется. Мы воображаем в животных свои собственные горькие чувства и мрачные мысли, которые возбуждаются в нас при виде смерти и тления»²¹. Животное повинуется закону смерти, «как и всякой естественной необходимости, бессмысленно, бессознательно и беспечально»²². А если живая тварь и терпит некое страдание, то это часть её служения человеку, ради которого и была создана. «Созданная и украшенная для человека, за него проклятая, она за ним и ради его будет восстановлена в первобытное состояние славы и красоты»²³. В конце письма автор делает вывод, что «физическое зло вызвано грехом, как лекарство болезни, и введено проклятием, как горькое, но спасительно врачество греховных болезней. Проклятая тварь в своих разрушительных

16 Голубинский Ф. А., прот., Левитский Д. Г. Премудрость и благодать Божия. С. 164–168.

17 Там же. С. 170.

18 Там же. С. 179.

19 Там же. С. 180.

20 См. выше: Филарет Московский, свт. Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы (1835) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 3. С. 341.

21 Голубинский Ф. А., прот., Левитский Д. Г. Премудрость и благодать Божия. С. 180.

22 Там же.

23 Там же. С. 181.

действиях служит благу человека»²⁴. Очевидно, что для Д. Г. Левитского мир до и после грехопадения явно различается, даже несмотря на признание изначальной смертности животных.

Далее стоит привести мнение человека, далёкого от академий, но известного святостью своей жизни — свт. Игнатия (Брянчанинова). Незадолго до своей смерти в 1867 г. он пишет работу «Слово о человеке», где также чётко различает состояние мира до и после грехопадения: «Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом, не имела никаких недостатков. Она была преисполнена изящества. “Ви́де Бог, по совершении всего мироздания, вся, елика сотвори: и се добра зело” (Быт. 1, 31). Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем её состояния в святой девственности; мы знаем её в состоянии растления и проклятия, знаем её, уже обречённую на сожжение; создана была она для вечности. Боговдохновенный Бытописатель говорит, что земля, в первоначальном состоянии своём, не нуждалась в возделывании (Быт. 2, 5): сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастений не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: “Терния и волчцы возрастит тебе” земля (Быт. 3, 18). По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни её жителей. Перемены погоды не существовало: постоянно была она одинаковою — самую ясною и благорастворенною. Дождей не было: источник исходил из земли, и напаявал лицо её (Быт. 2, 5.6). Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастениями (Быт. 1, 30). Гнев Творца изменил землю. “Проклята земля в делех твоих” (Быт. 3, 17), — сказал Он человеку, поправшему заповедь Его: и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством её, предвещающим сожжение её, соделывающим это сожжение как бы естественною необходимостью. Пало на землю проклятие, и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясение. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. <...>

24 Голубинский Ф. А., прот., Левитский Д. Г. Премудрость и благодать Божия. С. 181.

Малые черты первоначального состояния земли, сохранённые для нас книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землёю по падении человека»²⁵. То же самое святитель пишет и в своём «Слове о смерти» (1861): «Земля, после согрешения праотцев наших, проклята Создателем, и непрестанно выражает это проклятие в своих смятениях и своём нестроении. То колеблется она, то поглощает целые грады и веси; то выступают на поверхность её свирепые воды, и губят целые страны; то проходят по ней бури с вихрем, молнией, громом, градом, оставляя следом своим разрушение. <...> Животные, населяющие землю, восстали одни против других, непощадно истребляют друг друга. Самые стихии находятся в непримиримой вражде и непрерывном борении между собою. На земле всё сражается, всё страдает, всё стремится к взаимному уничтожению. Какое грозное и непрерывное смятение! Какое повсеместное и ожесточённое столкновение!»²⁶

Интересно, что другой святой того же времени свт. Феофан Затворник в своём толковании Послания ап. Павла к Римлянам (после 1872 и до 1894 г.), суммируя взгляды святых отцов на значение ключевых для обсуждаемой проблемы слов “тварь покорилась суете” (Рим. 8, 20–21) и видя в святоотеческой традиции две точки зрения, не стал делать окончательного вывода, подпала ли изначально нетленная тварь суете и тлению после грехопадения человека (как, например, толковал свт. Иоанн Златоуст), или же Господь в предведении греха человеческого сразу же сотворил мир тленным, чтобы после изгнания из рая тленный человек жил бы в тленном мире (как писал об этом блж. Феодорит Кирский)²⁷.

Подробное рассмотрение возможности повреждения грехом человека первобытной природы (в первую очередь, на основании Быт. 3, 17 и Рим. 8, 19–21) даётся в работе выпускника СПбДА свящ. Аполлония

25 *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о человеке // БТ. 1989. Вып. 29. С. 291–292.

26 *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3: Аскетические опыты. СПб., 1905. С. 85.

27 *Феофан Затворник, свт.* Толкование Послания апостола Павла к Римлянам (главы 1–8). М., 2006. С. 668–669. Однако показательно, что в известной книге «Жизнь и труды святого Апостола Павла. Последовательный комментарий апостольских посланий, составленный по трудам епископа Феофана Затворника», написанной свящ. Николаем Рудинским и изданной в 1912 г., мнение свт. Феофана скорректировано в сторону, видимо, более распространённого мнения о том, что изначально нетленный мир стал тленным после греха первых людей (*Рудинский Н., свящ.* Жизнь и труды святого апостола Павла. Последовательный комментарий апостольских посланий, составленный по трудам еп. Феофана Затворника. М., 1995. С. 255).

Михайловича Темномера «Учение Священного Писания о смерти, загробной жизни и воскресении из мёртвых» (1899). На основе анализа Рим. 8, 19–21 и других библейских текстов, а также с учётом различных святоотеческих толкований (свт. Иоанна Златоуста и др.) автор приходит к выводу о том, что весь мир подпал тлению после и из-за греха первых людей и его состояние теперь разительно отличается от того, каким мир был, в первоначальном состоянии: «На основании сказанного мы можем прийти к тому выводу относительно состояния природы в период до грехопадения прародителей, что оно должно было соответствовать состоянию телесности первых людей. С одной стороны, видимой природе не могло принадлежать совершенство, какое будет её уделом по обновлении мира; но с другой — её состояние было несравненно лучше, чем настоящее. В ней не могло быть той болезненной борьбы стихий и живых существ, которая в настоящее время представляет необходимое условие существования. В ней не могло быть той быстротечности и неустойчивости, какие замечаются теперь во всех областях бытия. Но, что всего важнее, первоначальной природе была присуща способность к дальнейшему совершенствованию и мирному переходу под воздействием духа человеческого в предусмотренное для ней её Создателем прославленное состояние»²⁸. Свящ. А. Темномеров многократно указывает на тесную связь человека и видимой природы и на чёткое соответствие между состоянием телесности человека и состоянием мира²⁹ (на что указывал и свт. Феофан Затворник³⁰). При этом в конце обсуждения он цитирует слова Д. Г. Левитского (соглашаясь с ними), что до грехопадения животные были смертны, хотя тогда смерть не была так безобразна и зловонна, как в мире после греха³¹.

Приведённые примеры пока не касались естественнонаучной апологетики, рассматривая вопрос о мире до и после грехопадения в библейской или догматической плоскости. Следующие два примера относятся к историко-философской и естественнонаучной апологетике и взяты уже из XX в. Важно, что в них по-прежнему разделяется точка зрения, что между человеком и миром имеется теснейшая связь, и поэтому грех первых людей сильно повлиял на всё мироздание. Так,

28 Темномеров А., *свящ.* Учение Священного Писания о смерти, загробной жизни и воскресении из мёртвых. Догматико-экзегетическое исследование. СПб., 1899. С. 83.

29 Там же. С. 73, 82–83.

30 Феофан Затворник, *свт.* Толкование Послания апостола Павла к Римлянам (главы 1–8). С. 670.

31 Темномеров А., *свящ.* Учение Священного Писания о смерти. С. 84.

в книге выпускника, а затем преподавателя МДА Александра Ивановича Покровского «Библейское учение о первобытной религии» (1901 г., хотя в качестве магистерской работы она была защищена ещё в 1899 г.) указывается, что проклятие земли за грех человека (Быт. 3, 17) «составляет частное выражение общей библейской мысли о тесной связи судьбы человека с жизнью природы. Человек — наместник Бога на земле, царь творения; своим восстанием на Бога он возмущает против Него и всю тварь, подчинённую себе и существующую, ближайшим образом, для него. Отсюда падая сам, человек вовлекает в падение и всю природу; посему-то природа и разделяет то проклятие, которому подвергся её царь и властелин. <...> Грех, нарушивший гармонию во внутреннем существе человека, произвёл то же самое и во всей внешней природе; сильная порча человека — этого высшего и главного звена в цепи мироздания — необходимо должна была соответственным образом отразиться и на всех прочих звеньях этой цепи, пришедших, вследствие этого, в понятное расстройство и беспорядок»³². Об этом же говорится и в книге известного библеиста, профессора КазДА Якова Алексеевича Богородского «Начало истории мира и человека по первым страницам Библии» (1906 г.; текст сначала выходил в виде статей с 1901 по 1905 г.): «Так как грех человека расстроил его собственную природу, ослабил господство его духа над чувственным началом, заключающимся в его телесности, то это расстройство природы человека отразилось и во всём чувственном мире, во главе которого поставлен человек»³³. «Под руководством своего властелина, постепенно самовозвышающегося и приближающегося к Богу, вся неразумная и неодушевлённая тварь спокойно, без стенаний, без уклонений и потрясений имела прийти к тому завершению своего бытия, которое положено для неё Творцом. Когда же человек нарушением воли Божией расстроил и унизил свою природу, и в ней стал действовать “закон греха” (Рим. 7, 23), борьба с последним и необходимость уничтожить его сделали необходимыми страдания и смерть телесную. Соответственно этому и по этому самому и во всей чувственной природе возникло нестроение»³⁴.

Итак, во второй половине XIX — начале XX в. многие русские богословы в работах разной богословской направленности (библеистика,

32 Покровский А. И. Библейское учение о первобытной религии: Опыт библейско-апологетического исследования. Сергиев Посад, 1901. С. 214.

33 Богородский Я. А. Начало истории мира и человека по первым страницам Библии. Казань, 1906. С. 309.

34 Там же. С. 312.

догматика, аскетика, апологетика) указывали на кардинальное различие состояний мира до и после грехопадения первых людей, что было обусловлено теснейшей связью мира и человека.

Однако также во второй половине XIX в. стали появляться работы (в первую очередь, естественнонаучно-апологетические), в которых указанное различие просто не учитывалось или даже отвергалось.

Так, в масштабном труде известного апологета, профессора МДА С. С. Глаголева³⁵ «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого» (1894 г.), в котором приводятся многочисленные доводы против эволюционной теории происхождения человека, практически ничего не говорится о последствиях греха прародителей в отношении всего мира. Проклятие земли понимается лишь в том смысле, что она будет давать меньше плодов человеку³⁶. А в отношении Рим. 8, 19–21 С. С. Глаголев пишет, что ап. Павел «говорит скорее, пожалуй, об изменении отношения человека к твари, чем о изменении твари»³⁷. Автор, видимо, полагал, что для защиты христианского учения о происхождении человека ему будет достаточно только естественнонаучных аргументов, и поэтому при обсуждении данного вопроса традиционное для русского богословия XIX в. мнение о различии состояний мира до и после грехопадения им не используется за ненадобностью.

Кстати, близкая ситуация наблюдается и в вышеупомянутом естественнонаучно-апологетическом труде Я. А. Богородского. В нём (несмотря на наличие целой главы, касающейся грехопадения человека и его последствий, в том числе и в отношении всего мира) автор при описании миротворения пользуется данными современной ему физики³⁸. Эта непоследовательность, возможно, объясняется тем, что с точки зрения Богородского признаваемое им расстройство и нестроение в мире, возникшее в результате греха первых людей, всё же не очень сильно повлияло на физические законы мира, и поэтому данные, полученные

35 О нём: Мумриков О., *прот.* Профессор московской духовной академии С. С. Глаголев (1865–1937) о естественно-апологетических задачах высших духовных школ: актуальность тезисов сто лет спустя // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 48. С. 79–91.

36 Глаголев С. С. О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого. М., 1894. С. 69.

37 Глаголев С. С. О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1893. Кн. 1. С. 56 (цит. по: Темномеров А., *свящ.* Учение Священного Писания о смерти. С. 79. Примеч. 5 — т. к. в отдельном издании работы Глаголева 1894 г. это место не найдено).

38 Богородский Я. А. Начало истории мира и человека по первым страницам Библии. С. 86–88.

при изучении падшего мира, можно использовать для описания мира первозданного. Однако сам Я. А. Богородский это чётко не проговаривает, и поэтому вопрос остаётся открытым.

Совершенно другой взгляд (который можно назвать психологическим)³⁹ на последствия грехопадения в отношении мира предлагается в статье выпускника МДА Павла Васильевича Левитова «Библейское учение о природе и отношении к ней человека» (1907)⁴⁰. Несмотря на то, что автор признаёт повреждённость мира вследствие грехопадения первых людей, однако, по его мнению, «перемена, происшедшая в мире после падения Адамова, имела субъективный, а не объективный характер, иными словами, произошла не на самом деле и не для Бога, а для сознания падшего человека. Грех, отразившись на его физической и психической природе, растрепал и испортил её до такой степени, что воспринимаемый чрез неё мир стал казаться нам несовершенным и начал служить для нас источником страданий»⁴¹. В другом месте автор уточняет, что «проклятие земли состоит не в изменении самой её сущности и управляющих ею законов, а в искажении наших точек зрения на неё и нашего отношения к ней. Яд греха растрепал нашу душу, омрачил духовное око, возбудил в нас противоестественные потребности и влечения и внёс заразу в наше тело, сделал его источником страданий. Объективный порядок мироздания не изменился. Он по-прежнему остаётся совершенным. Но растрепанный грехом человек воспринимает мир сквозь призму своей болезненной организации, вследствие чего, с одной стороны, многое представляется ему бессмысленным и неразумным, с другой, то, что до падения доставляло бы ему, быть может, удовольствие, теперь причиняет страдание»⁴². Вместо онтологической (органической) связи между состояниями человека и мира, на которую традиционно указывали русские богословы XIX в., начиная со свт. Филарета, но которая для П. В. Левитова является, как сам он отмечает, непонятной⁴³, в основу его представлений ставится лишь связь преимущественно психологическая, «связь между нравственным состоянием человека и отношением его к видимой природе»⁴⁴. Эта связь позволяет автору также утверждать,

39 Хотя этого взгляда, видимо, придерживался и С. С. Глаголев, как видно из его толкования Рим. 8, 19–21 (см. выше).

40 *Левитов П.* Библейское учение о природе и отношении к ней человека // ХЧ. 1907. Вып. 2. С. 599–611.

41 Там же. С. 608.

42 Там же. С. 601.

43 См.: Там же.

44 Там же.

что для того, чтобы увидеть красоту первозданного мира, человек должен просто нравственно совершенствоваться, и тогда он уже не будет страдать от физического зла. Пример такого совершенствования явили нам христианские святые подвижники, которые, «пребывая в пустыне без одежды, пищи и питья, испытывали высокое духовное наслаждение и не чувствовали атмосферных влияний, голода и жажды. Все те элементы природы, которые обычно служат для человека причиной страданий, для них как бы переставали существовать. Они воспринимали мир сквозь призму своей очищенной организации, а потому для них он в некоторой мере возводился к своему первобытному совершенству»⁴⁵. В таком же свете П. В. Левитов описывает и саму жизнь первых людей до грехопадения: «в условиях цельности бытия, ещё не расколотого грехопадением, когда между физической и духовной стороной человеческого существа была полная гармония в смысле безусловного подчинения организма личности, сдерживающая сила духа анестезировала тело от тех разрушительных влияний природы, которые служат в настоящее время причиной смерти, болезней и страданий»⁴⁶. Особый интерес представляет последняя часть приведённой цитаты: с точки зрения данного автора, совершенный первозданный мир не был лишён тех «разрушительных влияний природы, которые служат в настоящее время причиной смерти, болезней и страданий». И лишь сила духа первозданного человека «анестезировала» его тело от этих влияний, поэтому люди в состоянии невинности были «совершенно нечувствительными ко всей той стороне мира, которую мы называем теперь физическим злом»⁴⁷. Но в связи с этим возникает вопрос: насколько такое представление о первозданном мире с разрушительными влияниями природы и с «анестезирующим» тело духом соответствует традиционному христианскому пониманию мира до грехопадения?

Как видно из приведённого материала, мнение о кардинальном различии состояний мира до и после грехопадения первых людей (соответственно, мира нетленного и мира тленного) было широко распространено в отечественном богословии второй половины XIX — начала XX в. Однако парадоксально, что данное различие практически не учитывалось в естественнонаучно-апологетических работах, массово появляющихся в этот же период. Возможно, здесь сказалось определённое увлечение научным знанием христианских апологетов, для которых

45 Левитов П. Библейское учение о природе и отношение к ней человека. С. 602.

46 Там же. С. 603.

47 Там же. С. 602.

защита христианства естественнонаучными аргументами представлялась более надёжной и вызывающей доверие у внешнего читателя (хотя, казалось бы, апологетов от такого увлечения должно было уберечь предостережение, сделанное ещё в 1837 г. свт. Филаретом Московским, об опасности «могильного познания земли»). Более того, появившееся на рубеже веков в русской богословской литературе «психологическое» мнение о том, что в результате грехопадения не мир изменился, а изменилось лишь восприятие людьми этого мира, в конце концов привело к забвению традиционного различения состояний мира первозданного и падшего, что практически повсеместно наблюдается и в дальнейшей естественнонаучно-апологетической литературе XX и даже XXI в.

Но интересно, что это невостребованное апологетами богословское учение о различии состояний мира до и после грехопадения было воспринято русскими религиозными философами начала XX в. Ярко (хотя не без свойственных ему крайностей) о теснейшей связи человека и мира и о последствиях грехопадения писал в 1916 г. Николай Александрович Бердяев в работе «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)», в целом вторя святоотеческому учению об этом (ср. хотя бы с мнением свт. Филарета Московского): «Человек — микрокосм, высшая, царственная ступень иерархии природы как живого организма. Человек-микрокосм ответственен за весь строй природы, и то, что в нём совершается, отпечатлевается на всей природе. Человек живет, духотворит природу своей творческой свободой и мертвит, сковывает её своим рабством и падением в материальную необходимость. Падение высшего иерархического центра природы влечёт за собой падение всей природы, всех низших её ступеней. Вся тварь стонает и плачет и ждёт своего освобождения. Омертвление природы и та дурная её материализация, в силу которой все существа мира попали во власть необходимости и не находят выхода из состояния ограниченности, всё пошло от падения человека, от дурного перемещения иерархического центра природы»⁴⁸. Учитывая это падение природы и применяя евангельскую терминологию, Н. А. Бердяев чётко различает созданный Богом космос и «мир сей», появившийся в результате греха человека: «“Мир сей” не есть космос, он есть некосмическое состояние разобщённости и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии. <...> Космос есть истинно сущее, подлинное бытие, но “мир” — призрачен, призрачна мировая данность и мировая необходимость. Этот

48 Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916. С. 65.

призрачный “мир” есть порождение нашего греха»⁴⁹. Весьма ценно, что автор в свете этого различения оценивает познавательные возможности науки Нового времени («науки Коперника, Лайеля и Дарвина»), чего почему-то не сделали академические апологеты. Но автор при этом не недооценивает достижений тех же Коперника и Дарвина, он хорошо понимает всю революционность их открытий в плане понимания человеком мира и самого себя, что явилось явным вызовом христианству. Так, критикуя так называемый «натуралистический антропоцентризм» (который, с точки зрения Н. А. Бердяева, связывал значение человека лишь с этим падшим или, как пишет сам автор, природным миром⁵⁰), философ считает, что «Коперник и Дарвин, по-видимому, окончательно его сокрушили и сделали идею центральности человека неприемлемой для научного сознания. Замкнутое небо мира средневекового и мира античного разомкнулось, и открылась бесконечность миров, в которой потерялся человек с его притязаниями быть центром вселенной. Коперник показал, что земля не есть центр космоса и что не вокруг неё вращаются миры. Земля — одна из планет, место её очень скромное. Дарвин показал, что человек не есть абсолютный центр этой скромной планеты земли: он — одна из форм органической жизни на земле, той же природы, что и другие формы, один из моментов эволюции»⁵¹. Однако, по мнению Н. А. Бердяева, этот вызов науки не очень опасен для христиан, так как под ударами Коперника и Дарвина «гибнет лишь детская наука Библии, наивная библейская астрономия, геология и биология» (возможно, философ здесь критикует как раз многочисленные в то время апологетические опыты согласования науки и Библии), «но остаётся в силе религиозная библейская истина о человеке»⁵². Крушение указанного натуралистического антропоцентризма «не есть ещё гибель высшего самосознания человека как микрокосма, как центра и царя вселенной»⁵³. Последнее не может быть сокрушено «никакой наукой, как не может быть никакой наукой обоснован — он вне досягаемости науки»⁵⁴. Ведь «что может сказать об этом наука Коперника, Лайеля и Дарвина, которая вся есть лишь приспособление к данному ограниченному состоянию природного мира? Само это

49 Бердяев Н. А. Смысл творчества. С. 7.

50 Там же. С. 70.

51 Там же. С. 69–70.

52 Там же. С. 70.

53 Там же.

54 Там же. С. 71.

ограниченное состояние природного мира, столь экономически описываемое Коперником, Лайелем и Дарвином, порождено падением человека, перемещением иерархического центра вселенной. Приниженное положение, которое занял человек в данном состоянии природного мира и данной планетной системе, ничего не говорит против его центрального положения в бытии, против той абсолютной истины, что человек есть точка пересечения всех планов бытия. И земля пала вместе с человеком, вошла в круговорот природной необходимости. Но метафизический смысл земли раскрывается не астрономией и не геологией, а антропологической философией, философией мистической, а не научной. Что ценность и значение земли и человека превышают весь природный мир, истина эта и должна быть скрыта для науки, приспособленной лишь к мировой данности и необходимости»⁵⁵. Как видно, Н. А. Бердяев областью применения науки Нового времени считает лишь мир в падшем, «ограниченном» состоянии, тогда как первоначальное состояние человека и мира оказывается недоступным для научных методов.

Но наиболее чётко (и без бердяевских крайностей) на эту тему высказался другой известный русский религиозный философ — князь Евгений Николаевич Трубецкой — в своей последней работе «Смысл жизни» (1918 г.). Разбирая вопрос христианской теодицеи и рассматривая различные религиозные сомнения, вызванные в том числе неспокойным началом XX в., Трубецкой считает, что из всех этих сомнений «сравнительно легко разрешаются те, которые коренятся не в самом религиозном сознании, а исходят из внешней ему области сознания научного. Я имею в виду указания на несоответствие между учением Библии и христианства о начале мира, а следовательно, — о рае и о грехопадении — с данными научного естествознания»⁵⁶. Эта сравнительная лёгкость разрешения указанной (но до сих пор остро обсуждаемой) проблемы обеспечивается им как раз последовательно проводимым различением состояний мира до и после грехопадения. Е. Н. Трубецкой пишет: «Коллизия между наукой и христианским откровением здесь призрачна по той простой причине, что откровение и наука в данном случае трактуют о разных планах бытия. Все утверждения Откровения о вселенной *до грехопадения* (здесь и далее курсив Е. Н. Трубецкого) относятся к такому её состоянию, где весь космический строй был иной. Там действовали *законы природы, отличные от тех, которые обнаруживаются данными нашего научного опыта*. За пределами этих эмпирических данных наука

55 Бердяев Н. А. Смысл творчества. С. 71.

56 Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Берлин, 1922. С. 188.

ничего не знает и знать не может. Вопрос, предшествовал ли известному ей космическому строю какой-либо другой, где не было ни смерти, ни борьбы за существование, т. е. вопрос о том, была ли когда-либо иная, ныне неизвестная науке эмпирия, всецело выходит из пределов её компетенции. Очевидна ошибка тех учёных или философов, которые, исходя из “данных научного опыта”, пытаются дать тот или другой ответ на наш вопрос, — всё равно положительный или отрицательный; она заключается в том, что они придают научному опыту то *абсолютное значение*, которого он на самом деле не имеет. Опыт *одного плана бытия* не может служить основанием для суждения *о бытии вообще*. Поэтому ни космография, ни биология, ни какие-либо иные естественные науки не призваны судить о том, действовали ли когда-либо до возникновения известной им вселенной иные, не известные науке законы взаимоотношения духа и тела и законы жизни. В особенности странно противопоставлять откровению опыт нашей планеты; ибо утверждения христианского учения о состоянии вселенной до грехопадения относятся вовсе не к земной планете в тесном смысле слова, а к *земному бытию вообще*, то есть ко всей сфере телесного существования и телесного воплощения. Попытки богословов вычитать в Библии космографическое учение о нашей планете или солнечной системе, по меньшей мере столь же произвольны, как космографические опровержения Библии учёными. Те и другие свидетельствуют о совершенно недозволительном смешении двух планов бытия, которые должны быть строго различаемы»⁵⁷.

Как представляется, эта чётко и ясно высказанная Е. Н. Трубецким позиция, отражающая рассмотренную выше традицию отечественного богословия XIX в. (а через свт. Филарета Московского и других русских святых связанную с общей святоотеческой традицией Церкви), и должна лежать в основе решения проблемы соотнесения библейского повествования о творении мира и человека с научными представлениями.

Источники

- Игнатий (Брянчанинов), *свт.* Слово о человеке // БТ. 1989. Вып. 29. С. 284–321.
- Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3: Аскетические опыты. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: И. Л. Тузов, 1905.
- Феофан Затворник, *свт.* Толкование Послания апостола Павла к Римлянам (главы 1–8). М.: Правило веры, 2006.

57 Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. С. 188–189.

- Филарет Московский, свт.* Беседа по освящении храма Пресвятой Богородицы, Взыскательницы погибших, в Тюремном замке пересыльных арестантов (1854) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 5: 1849–1867. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1885. С. 537–541.
- Филарет Московский, свт.* Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себе и перевод сия книги на русское наречие. Ч. 1: Сотворение мира и история первого мира. М.: Синодальная тип., 1867.
- Филарет Московский, свт.* Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы (1835) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 3: 1826–1835. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1877. С. 337–346.
- Филарет Московский, свт.* Слово в день празднования Пресвятей Богородице в Страстном монастыре (1834) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 3: 1826–1835. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1877. С. 258–265.
- Филарет Московский, свт.* Слово в неделю четвёртую по Пятидесятнице (1811) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 1: 1803–1821. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1873. С. 9–15.
- Филарет Московский, свт.* Слово о гласе вопиющего в пустыни и на воспоминание происшествий 1812 года (1814) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 1: 1803–1821. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1873. С. 55–65.
- Филарет Московский, свт.* Слово по освящении храма Святыя Мученицы Татианы, при Московском Университете (1837) // Сочинения Филарета, митр. Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 4: 1836–1848. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1882. С. 61–68.

Литература

- Бердяев Н. А.* Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1916.
- Богородский Я. А.* Начало истории мира и человека по первым страницам Библии. Казань: Центральная тип., 1906.
- Глаголев С. С.* О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого. М.: Тип. Снегирёвой, 1894.
- Голубинский Ф. А., прот., Левитский Д. Г.* Премудрость и благодать Божия в судьбах мира и человека (О конечных причинах). 5-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1906.
- Левитов П.* Библейское учение о природе и отношении к ней человека // ХЧ. 1907. Вып. 2. С. 599–611.
- Мумриков О., прот.* Профессор московской духовной академии С. С. Глаголев (1865–1937) о естественно-апологетических задачах высших духовных школ: актуальность тезисов сто лет спустя // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 48. С. 79–91.
- Покровский А. И.* Библейское учение о первобытной религии: Опыт библейско-апологетического исследования. Сергиев Посад: СТСЛ, 1901.

Рудинский Н., свящ. Жизнь и труды святого апостола Павла. Последовательный комментарий апостольских посланий, составленный по трудам еп. Феофана Затворника. М.: Правило веры, 1995.

Темномеров А., свящ. Учение Священного Писания о смерти, загробной жизни и воскресении из мёртвых. Догматико-экзегетическое исследование. СПб.: Тип. С. П. Яковлева, 1899.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Берлин: Слово, 1922.

About Distinction Between Conditions of the World Before and After the Fall in Works of Russian Theologians and Religious Thinkers XIX – Early XX Century

Deacon Nicholay Serebryakov

PhD in Geology and Mineralogy

Senior Teacher at the Department of Biblical Studies

at the St. Tikhon's Orthodox University

23B, Novokuznetskaya, Moscow 115184, Russia

nikserebr@yandex.ru

For citation: Serebryakov, Nicholay S., deacon. "About Distinction Between Conditions of the World Before and After the Fall in Works of Russian Theologians and Religious Thinkers XIX – Early XX Century". *Biblical Scholia*, № 1 (1), 2020, pp. 26–48 (in Russian). DOI: 10.31802/BSCH.2020.1.1.002

Abstract. The article describes the views of the Russian theologians and religious philosophers of XIX – early XX centuries about a character and scales of influence of the fall on a condition of the world. We show that the Russian theology of this period recognizes the catastrophic influence of the fall on the entire universe. This influence is due to the close connection of man with the entire cosmos. However, this obvious theological truth was practically ignored in the discussion of the problem of the correlation of the biblical narrative about the creation of the world and man and scientific data in the natural science and apologetic literature in this period. Moreover, at the beginning of the XX century there are ideas that the fall in objective terms did not affect the state of the world, but that it changed only the nature of a man and man's view of the world. Only in the Russian religious philosophical literature at the beginning of the XX century the idea about the closest connection of a man and the universe got the response. On the basis of this idea religious philosophers gave a critical assessment of the ability of sciences to get into the world prior to the fall.

Keywords: Russian theology of XIX – early XX centuries, St. Filaret (Drozdov), creation of the world, fall, biblical studies, scientific apologetics.

References

- Mumrikov O. (2018) “Professor moskovskoj duhovnoj akademii S. S. Glagolev (1865–1937) o estestvenno-apologeticheskikh zadachah vysshih duhovnyh shkol: aktual'nost' tezisov sto let spustja” [“Professor of the Moscow Theological Academy S. S. Glagolev (1865–1937) on the Natural-Apologetic Tasks of Higher Theological Schools: The Relevance of Theses a Hundred Years Later”]. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. Issue 48, pp. 79–91 (in Russian).
- Rudinskij N. (1995) *Zhizn' i trudy svjatogo apostola Pavla. Posledovatel'nyj kommentarij apostol'skih poslanij, sostavlennyj po trudam ep. Feofana Zatvornika* [Life and Works of the Holy Apostle Paul. A Consistent Commentary on the Apostolic Epistles, Based on the Writings of Bishop Theophan the Recluse]. Moscow: Pravilo very (in Russian).
- Troubetzkoy E. N. (1922) *Smysl zhizni* [Meaning of Life]. Berlin: Slovo (in Russian).